

«СКАЗОЧНЫЙ СКАЗОЧНИК» ТАЕЖНОГО КРАЯ

РУФИНА ПРОКОПЬЕВНА МАТВЕЕВА

(Независимый исследователь: Российская Федерация, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ)

***Аннотация.** Статья посвящена тункинскому сказочнику Е. И. Сороковикову-Магаю, в творчестве которого в наиболее яркой форме проявились тенденции, характерные для творчества сказочников первой половины XX в. в период больших социальных перемен в стране. В работе особое внимание уделяется аспектам рассмотрения сказок Магая, которые важны и интересны для понимания русской сказки в контексте времени и среды бытования. Это, например, проблема фольклорного исполнителя и связанные с нею вопросы о соотношении локальной традиции и общерусской, коллективном и индивидуальном начале в фольклоре, судьба классического русского фольклорного наследия в условиях тесных жизненных контактов с иноэтнической средой. Записи Магая демонстрируют, что стало с русской сказкой в сложившейся исторической действительности, каково соотношение классического сказочного наследия в современной сказке с привнесениями сказочника, как влияет на текст контекст ситуации, в частности, особый вид исполнения (в естественных бытовых условиях, в организованном выступлении в чужой аудитории, рассказ для собирателя или для книги), и др.*

Произведения, созданные Магаем в стремлении ответить на запросы идеологии того времени, составили одну из переходных форм от фольклорного творчества к литературному, но его советские сказки оказались нежизнеспособными.

Ключевые слова: сказки, традиция, индивидуальное в творчестве сказочника, этническая среда, контекст ситуаций исполнения.

«Сказочным сказочником» назвал Е. И. Сороковикова-Магая Ю. М. Соколов в отзыве на рукопись сборника «Сказки Магая» [Магай 1940]. «Трудно найти более выдающегося сказителя, чем Е. И. Сороковиков-Магай, — писал ученый. — Его сказки, с которыми в более широком плане я познакомился только по данной рукописи, представляют собой чудесный сплав реального и фантастического, сплав коллективного человеческого разума. Очень обширны интересы сказителя: он великолепно рассказал волшебные сказки, чувствуется, что он непревзойденный мастер бытовой сказки. Все это, вместе взятое, дает право назвать Магая самым прекрасным мастером современной сказки»

[Элиасов 1968, 46]. В репертуар Магая входили почти все бытовавшие в начале XX в. жанры русского фольклора: сказки, песни, мифологические рассказы, легенды, предания, благопожелания, заговоры.

Е. И. Сороковиков-Магай (1868–1948) был «открыт» М. К. Азадовским в 1925 г. Восхищаясь необыкновенным талантом сказочника, ученый сразу же поставил его в число лучших носителей народного творчества. «Это в полном смысле выдающийся сказитель, он же и выдающийся музыкант», — писал исследователь в отчете после первых встреч с Магаем [Азадовский 1926, 171]. После выхода в 1940 г. «Сказок Магая» [Магай 1940] имя сказочника из сибирской глубинки приобрело

мировую известность, вошло в историю русской фольклористики. Высокая оценка его творчеству была дана в фольклористических исследованиях, сказки печатались в фольклорных сборниках, учебных хрестоматиях (см., например: [Азадовский 1932, т. 2, 261–308; Андреев 1936, 382–385; Горький и Мехлис 1937, 291–294] и др.).

Как знать, прославился бы так широко сказочник Магай, не затерялся ли бы в безвестности его поэтический дар (примеров тому великое множество), если бы выпускник Петербургского университета иркутянин Марк Азадовский и иркутский фольклорист Георгий Виноградов в 1925–1927 гг. «продолжая работу о судьбах славянского племени в Сибири» (так значилось в программе экспедиции), не вели исследования в Тункинском крае. Вопреки утвердившемуся мнению об отсутствии поэтической жилки у сибиряков, их всеобъемлющем практицизме и молчаливой угрюмости характера, исследователи обнаружили здесь богатую фольклорную традицию. Г. С. Виноградов в отчете о работе в Тункинском крае летом 1925 г. писал о местных народных музыкантах и певцах, «чудиках» и «балагурах», обратил особое внимание на широкое распространение сказок, привел список певцов и сказочников. По его словам, «почти в каждом селе называли популярных сказочников» [Виноградов 1926, 169]. Тогда и была «открыта» М. К. Азадовским целая галерея сказочников, и среди них одаренная семья музыканта-скрипача и сказочника Ивана Федоровича Сороковикова. Великолепной сказочницей была его дочь Марфа Ивановна Нефедьева, веселым рассказателем, балагуром, любимым участником деревенских «бесед» — старший сын Иван Иванович и уже известным серьезным сказочником, а еще и музыкантом, книжником, колдуном и знахарем среди местных жителей слыл самый талантливый из них — младший сын Егор Иванович.

Родился Е. И. Сороковиков-Магай в краю изумительной красоты, восторженное описание которого оставили исследователи, путешественники, побывавшие в этом «райском уголке» Восточной Сибири. В промыслово-таежном быту Тункинской долины рассказывание сказок было не только одной из форм проведения

досуга, но и неотъемлемой частью обычного уклада жизни. Магай, таким образом, рос в поэтической атмосфере семьи одаренных носителей фольклора и был наследником и продолжателем богатейшей сказочной традиции края. Достаточно сказать, что тункинские сказки были поставлены в ряд лучших образцов мирового фольклора уже в то время, когда известны были лишь отдельные тексты из обширного собрания [Гиппиус 1947, 44]. Только в конце XX в. достоянием науки и широкого круга читателей стали пролежавшие многие десятилетия в архиве сказки и других потомственных тункинских сказочников — Д. С. Асламова, С. Л. Истомина, В. Пятницкого, Г. А. Тугаринова, А. А. Шелеховой и др. Тункинские сказки записывали фольклористы и в 1960–1970-е гг.

В начале XX в. в обзоре работ сказковедов за 1924–1925 гг. председатель Сказочной комиссии С. Ф. Ольденбург особо подчеркнул необходимость изучения индивидуального мастерства сказочника, поскольку исполнитель «в большинстве случаев является несомненным автором». Установка С. Ф. Ольденбурга стала программной для сказковедов. С выходом в свет работ М. К. Азадовского в полном объеме была поставлена проблема фольклорного исполнителя и связанные с ней вопросы о соотношении локальной традиции и общерусской, коллективном и индивидуальном начале в фольклоре. Публикация материалов экспедиций М. К. Азадовского, предпринятых сначала на Лену в 1915 г., а затем в 1925–1927, 1935 гг. в Тункинскую долину, предоставила исследователям благодатный сказочный фонд для углубленного изучения стиля сказочного повествования, позволила показать сказку как целостный художественный организм, в ее связи с традицией и творческой индивидуальностью рассказчика. Идеи, высказанные М. К. Азадовским в статье «Русские сказочники» [Азадовский 1932], нашли свое дальнейшее развитие в обстоятельной, не утратившей своей значимости статье к сборнику «Сказки Магая».

Сборник сказок тункинского сказочника Е. И. Сороковикова-Магая обозначил новый этап в развитии сказковедения, вместе со статьей о ленской сказочнице Н. О. Винокуровой заложил

устойчивую традицию изучения индивидуального мастерства сказочника, нацеленности исследователей на изучение личности исполнителя. Внимание ученых многие годы было обращено на изучение сказочника как художника, переосмысливающего произведение традиционного коллективного творчества.

Органическая связь устойчивости сказочного произведения и порождающая вариативность изменчивость текста отражают главное свойство и условие существования фольклорной традиции. Необходимую стабильность сказочного повествования определяет понятие «память жанра». Сказочник рассказывает то, что жило до него и может продолжаться после. Он находится во власти сложившейся традиции, тесно связан со средой, представителем которой является. Отдельные элементы, детали, а иногда целые эпизоды и даже композиция отражают время, место, среду, через которую прошла сказка. От интерпретации исполнителя во многом зависит направленность произведения, трактовка образов, выбор художественных средств. Магай в этом смысле — фигура колоритная. Его произведения — результат личного восприятия и осмысления вековой народной поэзии. Коллективное в творчестве Магая выражается не только в том, что произведения создавались, развивались и хранились многими поколениями, но и в том, что идейное и художественное вмешательство сказочника соответствовало традиционной эстетике и современному ему мировосприятию действительности.

В творчестве Е. И. Сороковикова-Магая в наиболее яркой форме проявились тенденции, характерные для сказительства первой трети XX в., черты, присущие русской сказке XX в.: сочетание традиционной поэтической обрядности и явное олитературивание стиля, усиление в сказочном действии причинно-следственных связей, психологизм образов, связь с современной действительностью — это с одной стороны. С другой — в содержании сказки отразились локальные черты сибирской традиции таежно-промысловой зоны. И тот и другой аспекты важны и интересны для понимания русской сказки в контексте времени и среды бытования.

Существенный вклад сказки Магая вносили в освещение важнейшей проблемы судеб русской сказки, и не только в Сибири. Одна из сторон вопроса — судьба классического русского фольклорного наследия в условиях тесных жизненных контактов с иноэтнической средой. Тункинская долина, ее сказочники и сказки, в частности сказки Е. И. Сороковикова-Магая, как раз и представили интересный материал для решения этой серьезной фольклористической задачи.

По сведениям историков, русские перепроходцы-казаки в Тункинской долине появились во второй половине XVII в. Незадолго до прихода русских, тоже в XVII в. в долине расселились буряты, обитавшие ранее ближе к Байкалу. Уже в начале XVIII в. русские деревни размещались по всей долине среди бурятских улусов. Близкое соседство с бурятами не только наложило отпечаток на уклад жизни русских, но и сыграло большую роль в формировании этнического типа местного населения, так называемых ясашных (ясачных). Вплоть до 1970-х гг. большинство коренных тункинцев владело двумя языками: русским и бурятским. Многие, осознающие себя русскими, помнили своего предка бурята, имя которого сохранялось в родовом прозвище, а для Е. И. Сороковикова имя предка Магая послужило еще и псевдонимом. Известный славист П. А. Ровинский, посетивший тункинскую землю одним из первых исследователей судьбы русских поселенцев, писал, «как появились на свет ясашные, носящие русские прозвища, принявшие русский образ жизни и русские обычаи». «Из них образовались целые селения, которых теперь и не различишь с чисто русскими, если только там была возможность смешения, как в Тунке, где рядом жили ясашные, казаки и крестьяне», — сообщил П. А. Ровинский в 1870-е гг. [Ровинский 1875, 240]. Исследователь отметил, что ясашные в обрядовой культуре придерживались русской традиции. С другой стороны, известно, что русские переняли некоторые бурятские обычаи и обряды, особенно связанные с охотничьим промыслом. Рассказывание сказок, например, в охотничьем зимовье во время коротания длинной зимней ночи связано было не только с проведением досуга, но и с перенятым от бурят обычаем

рассказывать сказки, чтобы задобрить Хангая (по бурятским верованиям, хозяина леса, тайги). В 1970 г. мы записывали от русских охотников обрядовое обращение к Хангаю на бурятском языке. Фольклорно-этнографические исследования М. К. Азадовского и Г. С. Виноградова в 1920-е гг. по следам П. А. Ровинского засвидетельствовали, что ясашные являлись носителями русской фольклорной традиции. В то же время в репертуар ясашных входили и произведения бурятского фольклора. В 1970 г. о Е. И. Сорокикове-Магае как знатке произведений не только русского фольклора, но и бурятского, рассказывали нам младшие современники сказителя. Исполненные по-русски бурятские сказки и предания носили чисто русский характер по языку изложения и отраженному в них мировосприятию. Тункинские сказочники, называвшиеся ясашными, но идентифицировавшие себя с русскими, своими сказками вписали лучшие страницы в историю русского фольклора.

Сказки Магая высветили еще один важный для сказковедения вопрос: что стало с русской сказкой в сложившейся исторической действительности, каково соотношение классического сказочного наследия в современной сказке с привнесениями сказочника. В этом смысле большой интерес представляет контекст ситуаций, в которых рассказывается сказка, в частности, вопрос, как влияет на текст особый вид исполнения (в естественных бытовых условиях, в организованном выступлении в чужой аудитории, рассказ для собирателя или для книги).

Сказка, исполненная Е. И. Сорокиковым-Магаем «на промыслу» в таежном зимовье или в домашней обстановке в кругу односельчан, разительно отличалась от его сказок, рассказанных для ученых людей, для публикации их в книге, и в еще большей степени отличалась от сказок, исполненных во время публичных выступлений в клубе, школе, на олимпиадах, организованных краеведческими центрами в Иркутске, Улан-Удэ. В охотничьем зимовье, в коротании долгих зимних вечеров запросам слушателей отвечала сказка длинная, с запутанным фантастическим ходом событий. Чем сложнее, фантастичнее сюжет, тем интереснее сказка. Многие элементы

замедляли действие, усложняли ход событий — это, прежде, всего трехкратное дословное повторение эпизодов, различных поэтических формул и, конечно, свойственный восточносибирским сказочникам прием контаминации. Магай прекрасно владел художественными средствами классической волшебной сказки: использовал сказочные формулы, «общие места», постоянные эпитеты, зачины, концовки. К сожалению, в естественной обстановке промыслового быта никто сказок не записывал, но в 1968, 1970 гг. мы зафиксировали воспоминания его слушателей. Не всегда помня сюжет сказки, они очень ярко представляли манеру сказывания, подчеркивали, что сказки были длинные, многочасовые, с трехкратными повторениями, приводили фрагменты поэтических формул.

В связи с публичными выступлениями Е. И. Сорокикова-Магая со сказками перед различными аудиториями в городах Иркутске, Улан-Удэ, Москве произошла эволюция самого сказочника. Изменения затронули манеру сказывания, другой стала стилистическая фактура традиционной сказки. Искусственно созданные обстоятельства исполнения сказки оказывали разрушающее воздействие на ее формульность, поэтические клише. Большое значение в освещении вопроса о влиянии ситуации на сказочное исполнение имеют повторные записи, которые сами по себе играют важную роль для исследования сказок, особенно в современной фольклористике с ее вниманием к текстологии, теории вариативности и теории традиции. В данном случае повторные записи от Магая представляют интерес для понимания тенденций в сказительстве XX в. Сказки в записи 1936, 1938, 1948 гг. сильно отличаются от записей 1925–1927 гг. В них появляется стремление к сжатости, схематичности изложения сюжета, к сокращению сказочной обрядности. В записях 1925–1927 гг. больше деталей, не относящихся непосредственно к развитию сюжета, но служащих более полному раскрытию характеров персонажей, их психологического состояния. Анализ поздних вариантов волшебных сказок Магая позволяет сделать вывод, что, утрачивая в некоторых случаях художественные образы, опуская детали, сказочник именно в этих поздних

вариантах добивается наибольшей глубины образов, сами произведения приобретают стройность, а поступки героев — логичность и мотивированность. При сопоставлении записей разных лет одного и того же произведения можно заметить, как менялся язык повествования, как оттачивался авторский стиль Е. И. Сороковикова-Магая. Тенденциозность собирателя (отбор текстов в соответствии с господствующей идеологией, повышенный интерес к отражению советской действительности в сказке и др.) в какой-то степени влияла на творчество сказочника.

Фольклористика тех лет, когда от Е. И. Сороковикова-Магая записывались сказки, нередко находилась под давлением господствующей идеологии, и неизбежным было излишнее (нередко вынужденное) социологизирование при анализе и оценке фольклорного произведения. Это не могло не сказаться на собирательской и издательской практике, неслучайно первыми из записанных сказок Магая были опубликованы антипоповские. В связи с этим становится понятным, почему М. К. Азадовский при расположении текстов в сборнике «Сказки Магая» нарушил хронологию: из двух публикуемых вариантов одной сказки сначала поместил вариант 1938 г., а затем 1925–1927 гг., хотя в остальном хронология соблюдалась.

Как большинство сказочников, Магай был тонким, наблюдательным психологом, он всегда чувствовал настроение аудитории, улавливал, какой рассказ больше подходит для собирателя. При сопоставлении вариантов 1925–1927, 1938 и последующих годов наглядно просматривается искреннее стремление сказочника понять новую идеологию и приспособить к ней свой рассказ. Под влиянием современной идейной направленности в старые сказки вводились элементы, порой меняющие в какой-то степени интерпретацию образов, усиливающие социальный смысл повествования. В традиционном образе царя, например, усиливаются отрицательные черты, ему теперь противопоставляется герой — выходец из народа, даже в тех сюжетах, где положительная роль традиционно была предназначена царю. Имя стереотипизированного сказочного образа Ивана-царевича зачастую

заменяется именем Иван — крестьянский сын.

Интерес к реальной действительности, отражение в традиционной сказке современных сказочнику идей подвели Магая к созданию авторских сказок на современную тематику. Он и к сказкам традиционного репертуара относился с осознанием своего авторства. Л. Е. Элиасов, записавший основной репертуар Е. И. Сороковикова-Магая, оставил воспоминания, как он работал со сказочником в последние годы его жизни. После записи сказки Магай просил читать написанное. «Слушал он очень внимательно, никогда не перебивал и всегда просил, чтобы текст сказки, какой бы длинный он ни был, читался за один присест без перерыва» [Элиасов 1968, 31]. Отметив пропуски или места, которые хотел бы изменить, он не разрешал вносить в записанный текст изменения, просил сказку записать заново и до тех пор не успокаивался, пока новый вариант не удовлетворял его. Если учесть, что Магай обладал феноменальной памятью и помнил сюжет до мельчайших подробностей, то остается признать, что над текстом шла работа сказочника-автора, готовящего свое творение для читателя.

Высокое владение поэтической стереотипией устной сказки позволило Магаю не только приспосабливать традиционную форму к ситуации данного момента исполнения, но и создавать новые модели — сказки на советскую тематику. Приспосабливая сказку к обстоятельствам момента исполнения, Магай при этом не нарушал жанровую стереотипию сказки, «память жанра» в своей основе сохранялась.

В 1930-е гг. многие одаренные исполнители традиционных сказок стали создавать новые произведения — так называемые советские сказки. Е. И. Сороковиков-Магай — один из первых создателей и исполнителей таких сказок. Естественность обращения сказочника к новой тематике воспринималась и слушателями. «Был бы сейчас, так про космос сказки сочинил», — говорили про Магая его земляки спустя 20 лет после смерти сказочника.

Первую сказку на советскую тематику «Как охотник Федор японцев прогнал» Магай создал в 1937 г. в Москве, куда был приглашен вместе с другими

талантливыми сказителями редакцией юбилейного сборника «Творчество народов СССР». В этом же году сказка была опубликована сначала в «Правде», а затем в указанном сборнике. Это был, скорее всего, опыт создания советских сказок на заказ. Вскоре появились другие его авторские сказки, в основе их сюжета лежали действительные события: героический перелет в 1938 г. летчиц по маршруту Москва — Комсомольск-на-Амуре и другие. Этим сказкам создавалась популярность: их включали в сборники и хрестоматии, печатали в газетах, журналах, передавали по радио. Сказочник выступал со своими сказками в Москве, Иркутске, Улан-Удэ.

Создавая новые произведения, Магай большой знаток и прекрасный исполнитель волшебных сказок, использует традиционную сказочную форму, традиционные мотивы. Древние элементы старой сказки вплетаются в новое современное содержание. Наряду с мотивами и элементами волшебной сказки, такими, как борьба героя с чудовищем, одухотворение природы, живая и мертвая вода, волшебный клубочек, в новых произведениях много реалистического, особенно в образах героев. Все их поступки обусловлены и мотивированы. Враги приобретают реальный, конкретно-исторический

характер, но изображены они в виде чудовищ. Созданные Магаем образы получились схематичными, сказочник довольно однообразен в их обрисовке. Более удачны образы охотников, рыбаков, так как здесь сказочник опирался на свой жизненный и творческий опыт.

В традиционной волшебной сказке события, лица, поразившие сознание народа, даются в особом, присущем фольклору преломлении. В художественных образах фольклора нет четкой индивидуализации, для них характерна типизация, которая дает возможность говорить о едином герое волшебной сказки. Художественный метод символично-аллегорического изображения чужд традиционной сказке. В новых сказках Магай хотя и использует фольклорные приемы, но метод создания им образов ближе к литературному. Новые произведения составили одну из переходных форм от фольклорного к литературному творчеству. Новые сказки Магай оказались нежизнеспособными. Это был неудачный опыт художественного осмысления действительности, искреннее стремление сказителя ответить на запросы современной идеологии. Искусственно созданные им сказки были данью времени, они «составили совершенно особую область советского творчества, по-своему интересную» [Гусев 1966, 19].

Литература

Азадовский 1926 — Отчет Азадовского о летних работах в Тункинском крае. Этнологическая секция в 1925–1926 гг. // Сибирская живая старина. 1926. Вып. 5.

Азадовский 1932 — *Азадовский М. К.* Русские сказочники // Русская сказка. Избранные мастера: В 2 т. М.; Л., 1932.

Андреев 1936 — *Андреев Н. П.* Русский фольклор: Хрестоматия для высш. пед. учеб. заведений. М.; Л., 1936.

Виноградов 1926 — *Виноградов Г. С.* Отчет о работе в Тункинском крае летом 1925 г. // Сибирская живая старина. 1926. Вып. 5.

Гиппиус 1947 — *Гиппиус Е. В., Чичеров В. И.* Советская фольклористика за 30

лет // Советская этнография. 1947. № 4. С. 29–51.

Горький, Мехлис 1937 — Творчество народов СССР / Под ред. А. М. Горького, Л. З. Мехлиса. М., 1937.

Гусев 1966 — *Гусев В. Е.* О критериях фольклорности современного народного творчества // Современный русский фольклор. М., 1966.

Магай 1940 — Сказки Магая: Записи Л. Элиасова и М. Азадовского. Л., 1940.

Ровинский 1875 — *Ровинский П. А.* Очерки Восточной Сибири // Древняя и новая Россия. М., 1875. № 11.

Элиасов 1968 — Сказки и предания Магая. Зап., вступ. ст., коммент. Л. Е. Элиасова. Улан-Удэ, 1968.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Доктор филологических наук, независимый исследователь: Российская Федерация, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ; e-mail: rufina1938@mail.ru

“FABULOUS NARRATOR OF FAIRY-TALES” FROM BOREAL FOREST TERRITORY

RUFINA MATVEEVA

(Independent researcher: Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russian Federation)

Summary. *The paper is devoted to the Tunka story-teller E. I. Sorokovikov-Magay, whose creative heritage has demonstrated in the most vivid form trends of oral art of narration, typical of folk story-tellers of the first half of the 20th century, during a period of great social transformations in the country.*

In the work special attention is paid to such aspects of Magay's fairy tales, that are important and interesting for understanding of Russian folk tales in the context of time and environment of oral existence, especially the problem of folk performer. Another issue is related with the problem of correlation between local traditions and the all-Russian entire genre, of individual versus collective substances of folklore. The author considers fate of the classic Russian folk heritage in the case of close vital contact with alien ethnic environment.

Moreover recordings from Magay allow to understand existence of the Russian fairy tale in historical reality, to evaluate correlation between classical fairy-tale heritage and innovative additions of the performer in recorded performances of fairy tale specimen. The author takes into consideration context of performance situation and in particular the very special kind of performance (in natural living conditions, i. organized speech for unfamiliar audience and aiming at recording the story by the collector of folklore or even at further publishing in books). Texts invented by Magay willfully seeking to respond ideology requirements of that time, provide transitional forms from oral folk art to literature, but they proved to be unsustainable.

Key words: folk-tales, tradition, individual substance of story-teller's creativity, alien ethnic environment, performance situation context.

References

Azadovskiy M. K. (1926) Otchet Azadovskogo o letnikh rabotakh v Tunkinskom krae. Etnologicheskaya sektsiya v 1925–1926 gg. [Azadovskiy's report about summer field work at Tunka territory. Ethnology department 1925–1926]. *Sibirskaya zhivaya starina* [Siberian Alive Antiquity]. 1926. Issue 5. In Russian.

Azadovskiy M. K. (1932) Russkie skazochniki [Russian story-tellers of folk-tales]. *Russkaya skazka. Izbrannye mastera* [Russian folk-tale. Selected masters]. Moscow; Leningrad. In Russian.

Andreev N. P. (1936) Russkiy fol'klor: Khrestomatiya dlya vysshikh pedagogicheskikh uchebnykh zavedeniy [Russian folklore: Khrestomathy for pedagogical universities]. Moscow; Leningrad. In Russian.

Eliasov L. E. (record., preface, comm.) (1968) Skazki i predaniya Magaya [Tales and legends by Magay]. Ulan-Ude. In Russian.

Eliasov L., Azadovskiy M. (eds.) (1940) Skazki Magaya [Magay's folk-tales Recordings]. Leningrad. In Russian.

Gippius E. V., Chicherov V. I. (1947) Sovetskaya fol'kloristika za 30 let [Soviet folkloristics during 30 years]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet ethnography]. 1947. No. 4. Pp. 29–51. In Russian.

Gor'kiy A. M., Mekhlis L. Z. (ed.) (1937) Tvorchestvo narodov SSSR [Creative art of the peoples of the USSR]. Moscow. In Russian.

Gusev V. E. (1966) O kriteriyakh fol'klornosti sovremennogo narodnogo tvorchestva [On the criteria of folklore authenticity of the contemporary folk creative art]. *Sovremennye russkiy fol'klor* [Contemporary Russian folklore]. Moscow. In Russian.

Rovinskiy P. A. (1875) Ocherki Vostochnoy Sibiri [Essays on the Eastern Siberia]. *Drevnyaya i novaya Rossiya* [Old and new Russia]. Moscow. 1875. No. 11. In Russian.

Vinogradov G. S. (1926) Otchet o rabote v Tunkinskom krae letom 1925 g. [Report about field work at Tunka territory in summer 1925]. *Sibirskaya zhivaya starina* [Siberian Alive Antiquity]. 1926. Issue 5. In Russian.

ABOUT THE AUTHOR

E-mail: rufina1938@mail.ru

Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russian Federation

Grand PhD (Full Professor Emerita) (Philology), independent researcher